

Кастрюк

Грозный царь Иван Васильевич,
Произволил он жениться,
Произволил он обручаться,
Не у нас на святой Руси
И не у нас в каменной Москвы,
А в земле во неверная,
В земле во Черкасския,
На той ли на Марье Кастрюковной,
И на той ли на Марье Демьюковной.
Еще много брал он в приданое,
Триста татаринов, да пятьсот донских казаков:
Затылки у них были вшивые,
Гузна подхилыя, толстопяты, загузисты.

Грозный царь Иван Васильевич,
На великих был он на радостях.
И заводил пированьице — почестен пир.
На своих на князей на бояр,
На всех на могучих богатырей,
На все паленицы удалыя.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались
И все на пиру порасхвастались.
Один сидит молодец — призадумался,
Не ест, не пьет и не кушает,
И ничем он, молодец, не хвастает.
Вышел дядюшка князь Никита Романович,
И ходит он по своей по светлой по светлицы,
По той ли по гридни по столовыя,
Сам говорит таковы слова:
«Что же ты, большецарский шурин,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
И ничем, молодец, не хвастаешь?
Какую ты думу думаешь?
Разве место тебе не по разуму,

Али чара ни рядом дошла,
Али невежа на пиру обесчестила?» —
«А я думаю думушку крепкую:
Есть ли у вас в Москве борцы
С Кастрюком поборотися,
С Демьюком полوماتися,
Силы отведати и царя припотешити?
Я пятьсот борцов поборол,
Пятьсот городов за себя побрал;
Еще как московских борцов побору,
Всю Москву за себя возьму,
А царя Ивана Васильевича в полон полоню».

И выходил дядюшка Никита Романович
На свое на крутое на красно крылечико,
Крикнул он во всю голову,
Свиснул он во всю Москву:
«Есть ли у нас в Москве борцы
С Кастрюком поборотися,
С Демьюком полوماتися,
Силы отведати и царя припотешити?»

По грехам учинилося,
В Москве борцов не случилось;
Только случилось два братца Андреевича:
Один Васенька Маленький,
А другой Обросинька Хроменький, —
На ножку припадывает,
Из-под ручки высматривает.
Возговорил еще Васинька Маленький:
«Ай же ты, князь Никита Романович!
Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу:
Не хочу я с ним боротися,
Со тем с большецарским шурином,
А возьму его за праву руку,
И возьму его за леву ногу,
И кину его за Днепру-реку».

Говорил Обросенька Хроменький:
«Как пособит мне Бог поборотися,

Так сметь ли его из платья вытряхнуть,
Нагого по двору спустить,
По тому ли по двору государеву,
По тому ли крылечнику красному?»

Приходит Никита Романович:
«Ой же вы, князья-бояра!
У нас хлеб и соль на столе,
У нас есть и борцы на дворе».

И скочил большецарский шурин,
На тех на великих на радостях
Дубовую скамеечку подломил,
Он много князей-бояр придавил.

Не два ясные сокола слетались:
Два добрые молодца схватились;
Как стал Кастрюк на ногах —
А очутился Кастрюк на буйной головы.
Платьице у него треснуло,
Кожа у него вереснула;
Три ребра он в боку сломил,
И сломил он у него ручку правую,
И сломил у него ножку левую;
Взял его за праву руку,
Из платья его вон повытряхнул,
Нагого по двору спустил,
По тому ли двору государеву,
По тому ли крылечнику красному.

И не пошел по двору государеву,
А ушел под крылечико красное,
И сам говорит таковы слова:
«Не дай-ко мне с московскими борцами бороться,
Со тымя с молодымя, с ученымя».

Записана П. Рыбниковым на Кенозере от кр. Лядкова.

Песни собранные П. Н. Рыбниковым т. 2, 1910.

Читайте также:

[Кострюк](#) (Из Сборника А. Ф. Гильфердинга)